

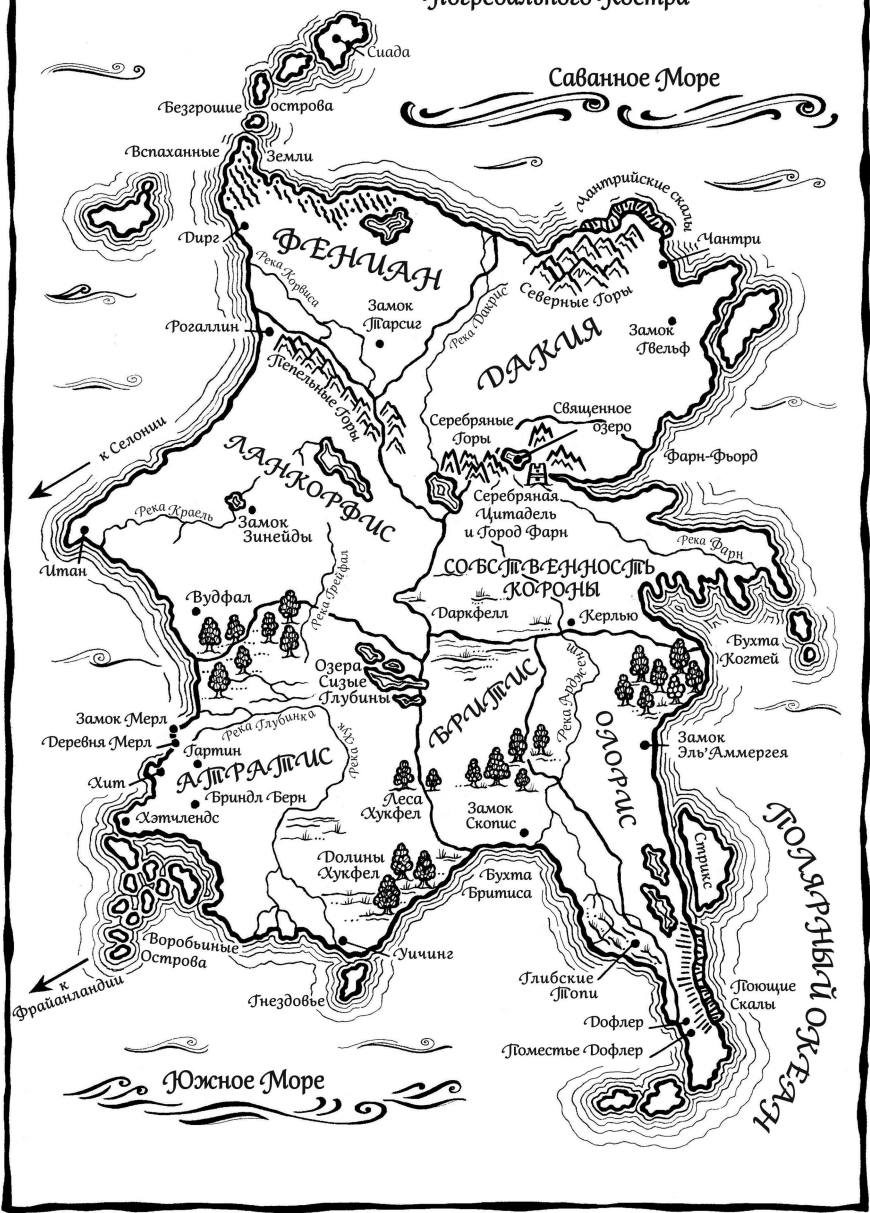
δεινή τις ὀργή καὶ δυσίατος πέλει,
ὅταν φίλοι φίλοισι συμβάλωσ' ἔριν.

*Неисцелим и страшен гнев встает,
Когда вражда людей сшибает близких.*

*Εβριτιδ «Μεдея», στ. 520–21,
в пер. Иннокентия Анненского*

КОРОЛЕВСТВО СОЛАНУМ

Пламя
Погребального Костра

ПРОЛОГ

Зима заключила мое королевство в ледяную клетку. Весь последний месяц валит безжалостный снег: без конца падают с неба ледяные перышки, до того плотно, что через них невозможно пролететь. Стекланный восьмиугольник в большом зале скрипит под его белоснежным весом. Но этим вечером, хотя бы на время, облака рассеялись, и под холодным свечением звезд жители Серебряной Цитадели отмечают праздник зимнего солнцестояния, Глубокую Тьму, первое солнцестояние моего правления. Сосновые поленья потрескивают в каминах. Благовония смешиваются с ароматом вкусок, которыми завалены столы. Жареная оленина, все еще шипящая, только с вертела; зимние коренья, брошенные в пряную муку и поджаренные в подсоленном масле; сливовый пирог с сахарной глазурью и тридцать или более прочих блюд. Тысячи свечей пылают в вычурных хрустальных канделябрах во тьме этой долгой морозной ночи.

Наряженная в золотое платье, с венком из золота и бриллиантов в волосах, я танцую с Ароном, со своим кузенем и соправителем. С мужем, по крайней

мере, хотя бы на словах. Вокруг меня слуги и придворные, и каждый из них поклялся мне в верности. Многие из них клялись мне в любви. Но в переговаривающейся толпе мои мысли и чувства посвящены только одному человеку. Человеку, который последние три часа игнорировал меня и заигрывал с другими.

Каждой улыбкой и каждым взглядом Люсьен Руквуд вонзает в мое сердце очередной кинжал.

Арон пользуется тем, что музыка затихла, чтобы податься вперед и прошептать мне:

— Ты выглядишь уставшей.

— Я плохо спала, — отвечаю я. Мне не спалось неделями. Жестокость этой зимы навлекла на мой народ недуг и страх перед голодом. Я устала сидеть взаперти, из-за ужасной погоды не в силах взлететь в небо. И я устала от защитников и дворян, через которых правлю. От их упрямого сопротивления реформам, которые мы с Ароном хотим провести, чтобы предоставить нашему бескрылому населению надежную защиту. От их слепой веры в то, что Зигфрид и Таллис, сводные брат с сестрой из Олориса, которым практически удалось захватить трон, больше не представляют угрозы просто потому, что никто не знает, где они. Я ни на день не могу забыть об обещаниях Таллис, о том, что она с братом вернется, чтобы отомстить мне и Арону. Что весь Соланум будет расплачиваться за наше неповиновение...

У меня множество причин, чтобы волноваться...

Но, по крайней мере, этим вечером любые другие заботы поглотила моя тоска по Люсьену.

Я кружусь, вычерчивая шажки и повинуюсь оборотам менуэта, и стараюсь не смотреть на мужчину,

который был — столь недолго — моим любимым. Прошло три месяца, но всякий раз, когда я думаю о той единственной ночи, которую мы провели вместе, или о нашей последней встрече, мое сердце разрывается. Люсьен покинул двор сразу после моей коронации. Он вернулся неделю назад, но только из-за солнцестояния. Потому что я сама пригласила его на празднование. Фактически настояв, чтобы он явился.

— Адерин? — Арон приподнял светлую бровь; танец закончился, и кузен застыл в ожидании ответа на вопрос, который я не услышала. Он вздыхает. — Я спросил, хочешь ли ты еще раз станцевать или отдохнуть?

Я замечаю бескрылых музыкантов, их смычки застыли над струнами в ожидании моего решения. Замечаю наблюдающую за мной богато разодетую знать.

— Я отдохну.

— Как тебе угодно, — Арон целует мне руку, и я покидаю танцпол. Он подходит к своей сестре, Одетте, и приглашает ее на танец. Как только музыка начинает играть, я возвращаюсь к своему месту на помосте и позволяю себе взглянуть на Люсьена. Его волосы переливчатого иссиня-черного цвета, цвета крыла ворона, в которого он может обратиться, отросли и достают до края воротника. Но в остальном он мало изменился. Все по-прежнему красив и широкоплеч. Он даже одет в ту же серую шелковую тунику без рукавов, что и в тот вечер, когда мы впервые сюда прибыли меньше полугода назад, хотя кажется, будто прошла целая жизнь. Жизнь, в которой я была лишь защитницей доминиона Атратис, надеялась узнать, кто убил маму, и выжить среди интриг дядиного дво-

ра. Жизнь, в которой Люсьен был всего лишь моим клерком.

Но сейчас... Сейчас я королева Соланума. И Люсьен кажется еще дальше, чем когда-либо.

Еще одна пауза между танцами. Арон все еще с Одеттой, так что я делаю глоток глинтвейна из кубка, который слуга поставил у моей руки, собираю в кулак всю храбрость и встаю, пробираюсь по залу туда, где стоит Люсьен, разговаривающий со своей партнершей по танцу. Придворные расступаются и кланяются, когда я прохожу мимо. Темные стражники в тяжелых доспехах, охраняющие зал, вытягиваются в струнку, а домашняя прислуга — теперь облаченная в серебристые и голубые одеяния моего дома Сигнус Атратис — опускает глаза. Но Люсьен, кажется, не замечает моего приближения. Он разговаривает и громко смеется, пока женщина, с которой он был, не кланяется и не отступает.

— Ваше Величество, — он опускает голову. Его лицо спокойно, но его темные глаза смотрят твердо и блестят слишком ярко. — Да проведет вас Творец сквозь морозную зиму.

Знакомое выражение лица. Это его первые слова мне с тех пор, как он попросил покинуть его комнату, как я объявила о браке с Ароном. Слова, которые холодны, как зима. И все же я надеялась на что-то большее после того, кем мы были друг для друга. Я проглатываю разочарование и заставляю себя улыбнуться.

— Я рада вновь видеть вас при дворе, лорд Люсьен. Не окажете ли вы мне честь стать моим партнером в следующем танце?

Его лицо вспыхивает — удивлением или раздражением, я не понимаю, — но он не может отклонить

мою просьбу. Он предлагает мне руку, и я кладу на нее ладонь, стараясь не обращать внимания на всплеск желания в животе. Он ведет меня обратно в центр зала.

Пока оркестр готовится, наступает пауза, и мы ждем, пока соберутся остальные танцоры. Люсьен не предпринимает никаких попыток заговорить. Только оглядывает зал, словно ему скучно, и я начинаю ненавидеть тишину.

— Как ваш отец?

Люсьен окидывает меня быстрым взглядом.

— Он здоров, благодарю вас.

— А ваша мать, ваш брат?

— Весьма неплохо.

Снова тишина, оркестр все еще возится. Я не могу задать единственный вопрос, на который действительно хочу получить ответ: простил ли он меня. Но его тон и поведение говорят, что нет. Платье и диадема на мне отяжелели от унижения, пригвоздив меня к полу, и я высказываю единственную пришедшую в голову ясную мысль.

— Должно быть, во время полета из Атратиса вы попали в первую снежную бурю. Надеюсь, вы не столкнулись ни с какими трудностями.

Он бросает на меня до того презрительный взгляд, что к моим щекам приливает кровь.

— Я здесь, и я невредим. Какие, по-вашему, у меня могли возникнуть трудности?

Зазвучала музыка, прервав мою агонию, но как только мы начинаем танцевать, во мне вспыхивает гнев. Я хочу встряхнуть его, спросить, какой еще, по его мнению, у меня был выбор. Напомнить ему, что я вышла за Арона, чтобы спасти королевство. Чтобы спасти самого Люсьена. Но я молчу. Вместо этого

я сосредотачиваюсь на своих шагах, жалея о том, что заставила Люсьена вернуться ко двору.

Я знаю, за нами наблюдает Арон.

Наконец, танец подходит к концу. Я сбегая от Люсьена, прежде чем он успевает завершить поклон, в сторону высоких окон, на террасу. Мне нужен воздух — чистый, прохладный, не душный от древесного дыма и запаха воска. Но не успеваю я дойти до окон, как тяжелые двери в дальнем конце большого зала распахиваются. Из коридора доносятся крики. Темные стражники, охраняющие зал, устремляются туда.

— Адерин! — Арон спешит ко мне, протягивая руку. Вместе мы отступаем к помосту, другие стражники становятся перед нами. На поясе Арона висит меч, и я жалею, что у меня нет своего. Оба моих церемониальных меча в покоях.

Долго ждать не приходится. Один из капитанов стражи бежит к нам через бальный зал.

— Величества...

— Говори, Эмет, — Арон подзывает мужчину ближе. — В чем дело?

— Дворянство из королевства Селонии.

Соседствующая страна, довольно близкая, чтобы долететь. Дружелюбная, как я думала. Мое сердце бешено колотится.

— Вторжение? Зигфрид начал атаку?

— Нет, моя королева, — капитан медлит. — Они утверждают, что случилось восстание. Что бескрылые Селонии восстали, что столица, королевский дворец и множество городов охвачены огнем. Дворянство здесь в поисках убежища, — он жестом указывает за спину. — Те, кто выжили.

Бескрылые захватили власть во всей стране?

Слово «невозможно» было готово слететь у меня с языка. Но я не могла не верить своим собственным глазам. Люди, некоторые в мантиях, некоторые все еще обнаженные после обращения, толпились в бальном зале. Некоторые прихрамывали, многие были ранены. Женщина с длинными, спутанными рыжими волосами зажала одной рукой лицо, между ее пальцев струилась кровь.

Мужчина, который, кажется, был их предводителем, упал на колени.

— Милосердия... — к его груди прижат маленький ребенок, закутанный в мантию. — Мы молим вас о милосердии и пристанище...

Соланумские слова, но с таким сильным селонийским акцентом, что я не сразу понимаю смысл. Его речь прерывается частыми, мелкими вздохами.

Одна из моих придворных проталкивается вперед — Нисса, леди Свифтинг. Кузина Люсьена.

— Что с моим женихом? Где лорд Бастьен?

Мужчина глядит на нее с недоумением.

— Бастьен из Верна, — повторяет Нисса. — Где он?

— Надеюсь, позади. Нас разделили... — ребенок в его руках начинает извиваться и плакать, его пронзительный плач заставляет меня содрогнуться от сочувствия. Я собираюсь шагнуть вперед и забрать у него ребенка, но вдруг пальцы Арона обвивают мое запястье. Чтобы защитить меня или напомнить о моем положении, не знаю. Вместо этого Нисса помогает ему поставить ребенка на пол.

— Арон...

Он кивает и кладет руку мне на плечо перед тем, как повернуться, чтобы начать отдавать приказы. Необходимо позаботиться о пострадавших. Но я ви-

дела в его глазах свои собственные страхи: Соланум вот-вот погрузится в еще бóльшую неопределенность. В еще бóльшую опасность.

Я оставляю Арона распоряжаться слугами и приглашать лекарей. Я королева, моя роль — править, контролировать. Так что я быстро прохожусь между ранеными, тут и там роняя слова утешения, призывая к терпению свое дворянство. Как и у леди Ниссы, у некоторых здесь есть семья и друзья в Селонии, но я не хочу, чтобы кто-то в ярости улетел и был убит. Я напоминаю им о живучей натуре Соланума, о бурях, которые мы уже пережили. Но я знаю — каждый здесь знает — земля под нашими ногами меняется. Правится нам это или нет.

Наконец я понимаю, что моя работа закончена. Уже в моих покоях служанки помогают мне выбраться из тяжелого платья, снимают с меня диадему, браслеты и кольца, которые меня сковывали. Они уходят. Обнаженная, одна я выхожу на личную посадочную платформу, которая спрятана за королевскими апартаментами. Я использую ее из удобства и чтобы не обнажать изуродованную спину чаще необходимого. Мне нужно почувствовать ветер под своим телом, раствориться во всепоглощающей радости полета. Чтобы быть как можно ближе к звездам, которые горят над вершинами окрестных гор. Погружаясь в холодную воду озера, я отдаюсь силе, которая всегда ожидает меня под кожей. Я позволяю себе преобразиться из человека в лебедя: волосы превращаются в перья, мышцы смещаются, а кости утончаются и светлеют.

Через несколько секунд я оказываюсь достаточно высоко, чтобы объять взглядом Серебряную Цитадель и город Фарн, который ее окружает. Дом Сигнус

КОРОНА КОГТЕЙ

правит здесь более двухсот лет; сама Цитадель была построена намного раньше. Отсюда, с высоты, этот символ нашей власти кажется нерушимым. Вечным. Неизменным.

Но это иллюзия, не более. Старый мир увядает вместе с Селонией, охваченной огнем. Если мы ничего не предпримем, боюсь, сгорит и Соланум.